
В. Р. КАБО

ИСКУССТВО ПАПУАСОВ В ТРУДАХ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ *

Советский народ справедливо гордится великим русским этнографом Николаем Николаевичем Миклухо-Маклаем. Неутомимый путешественник и кропотливый исследователь, он побывал в местах, куда до него не ступал ни один ученый мира. Он первый из этнографов посетил Новую Гвинею. Прожив среди жителей острова в общей сложности более трех лет, великий ученый-гуманист изучил и ярко описал быт и культуру папуасов, тесно сочетая эту деятельность с борьбой против дискриминации незащищенных аборигенов Океании, резко выступая против шовинизма и расизма. Заслуга Миклухо-Маклая заключалась в том, что он, будучи бескорыстным борцом за права угнетенных народов и опираясь на передовую науку, на основе огромных полевых наблюдений сумел обосновать и доказать, что народы Океании такие же полноценные люди, как и все народы земного шара, а их отсталость вызвана лишь историческими условиями жизни.

Наряду с зоологическими, географическими, метеорологическими, антропологическими и этнографическими исследованиями в трудах Миклухо-Маклая особое место занимают искусствоведческие работы, являющиеся ценным дополнением к его этнографическим наблюдениям. В частности, следует отметить такие статьи, как «Первое пребывание на Берегу Маклая на Новой Гвинее»¹, «Третье посещение Берега Маклая»², «Первое посещение южного берега Новой Гвинее»³, «Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее» и «Следы искусства у папуасов Берега Маклая на Новой Гвинее»⁴. Наконец, нельзя не отметить тщательно собранные Н. Н. Миклухо-Маклаем рисунки, эскизы, факсимиле (всего 700), портреты аборигенов Океании, изображения их жилищ, орудий труда, одежды, украшений, татуировки, орнамента⁵. Это своеобразный художественный дневник пребывания Миклухо-Маклая в Океании. Еще больший интерес представляют антропологические и этнографические коллекции, достоверно и точно отражающие хозяйство, орудия, утварь, одежду, украшения, оружие и верования жителей Океании. Эти материалы представляют огромную научную ценность и свидетельствуют о том, что неутомимый путешественник и ученый, благодаря своей исключительной целеустремленности и настойчивости, сумел внести огромный вклад в сокровищницу мировой науки. Бесспорно, рисунки и коллекции — огромное подспорье в деле глубокого осмысливания обычаев, быта и культуры современных народов Океании.

* Статья является переработанным текстом доклада, прочитанного на юбилейном заседании Ин-та этнографии АН СССР в Ленинграде, посвященном 70-летию со дня смерти Н. Н. Миклухо-Маклая.

¹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., М.—Л., 1950—1954, т. I, стр. 73—314

² Там же, т. II, стр. 582—595.

³ Там же, стр. 535—558.

⁴ Там же, т. III, ч. I, стр. 52—125.

⁵ Там же, т. V.

Не претендуя на исчерпывающее освещение проблемы искусства народов, исследованных Миклухо-Маклаем, автор данной статьи попытался на основе его трудов и некоторых зарубежных источников проследить характер и особенности искусства папуасов Новой Гвинеи.

* * *

В первые же месяцы своего пребывания на Новой Гвинее Н. Н. Миклухо-Маклай почувствовал все неповторимое своеобразие культуры папуасов и, будучи разносторонним и чутким исследователем, не мог не обратить внимания на их изобразительное искусство и по достоинству его оценить. И действительно, Новую Гвинею, наряду с Тропической Африкой и северо-западной Америкой, можно рассматривать как один из трех наиболее выдающихся центров изготовления примитивной деревянной скульптуры. Украшение утвари и оружия резным орнаментом, часто раскрашенным, здесь встречается чаще, чем в какой-либо другой части мира. На всем пространстве огромного острова немного найдется изделий бытового или ритуального назначения, не украшенных декоративной резьбой⁶. Круглая скульптура выделяется лишь в некоторых районах, один из этих районов — Берег Маклая.

«Я собирал с особенным интересом все, что можно назвать зачатками искусства у папуасов, — пишет Миклухо-Маклай, — или, по крайней мере, срисовывал возможно более точно все, не исключая простейших и самых обыкновенных орнаментов. Я делал это главным образом на том основании, что обитатели моего берега жили еще в каменном веке, в состоянии, которое встречается с каждым годом где бы то ни было все реже и постепенно исчезает»⁷. «Я взял на себя труд зарисовывать по-настоящему все орнаменты, которые мне где-либо встречались»⁸. «Даже беглый набросок может дать лучшее представление, чем подробное описание»⁹. «Рисовал, что приходилось: и хижины, и пироги, делал и портреты, снимал факсимиле с разных папуасских орнаментов»¹⁰. Миклухо-Маклай собрал ценную коллекцию папуасских орнаментов, зарисовал не менее двадцати телумов. Рисовал он и татуировку, и украшения. Он был талантливым художником, и его рисунки имеют большую научную ценность.

Немало трудностей преодолел Миклухо-Маклай при собирании и перевозке своих ценнейших этнографических коллекций; нелегким было приобретение телумов — деревянных и глиняных антропоморфных изображений с Берега Маклая¹¹.

Миклухо-Маклай интересовался искусством папуасов потому, что они, как он пишет, «сохранились до наших дней в периоде каменного века, одном из самых первобытных состояний цивилизации. Это и было главной причиной, побудившей меня сохранить для истории искусства точную копию его первых проявлений... Эти первые фазисы развития искусства не ускользнули от моего внимания»¹².

⁶ L. A d a m, Primitive Art, Melbourne, 1954, стр. 134.

⁷ Н. Н. Миклухо-Маклай, Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее. Собр. соч., т. III, ч. I, М.—Л., 1951, стр. 94.

⁸ Там же, стр. 95.

⁹ Там же, стр. 100.

¹⁰ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. I, 1950, стр. 286.

¹¹ Н. А. Бутинов, Рисунки и коллекции Н. Н. Миклухо-Маклая, см.: Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. V, М.—Л., 1954, стр. 419—429. Воспроизведение художественных предметов из коллекций Н. Н. Миклухо-Маклая см.: Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. V.

¹² Н. Н. Миклухо-Маклай, Следы искусства у папуасов Берега Маклая на Новой Гвинее, Собр. соч., т. III, ч. I, 119.

В своих рисунках, описаниях и, наконец, этнографических коллекциях с Берега Маклая Н. Н. Миклухо-Маклай дает ценный материал для изучения целой этнографической области, искусство которой обладает рядом особенностей, специфическим стилем. На Новой Гвинее известно несколько этнографических областей, искусству которых свойственны свои особые стилистические черты и техника, свои формы; Берег Маклая является одной из таких областей, одним из центров папуасского искусства¹³.

«Различные районы обнаруживают совершенно различные типы изделий и орнамента. Большое число таких ареалов можно легко наметить на Новой Гвинее и ближайших островах. Эти ареалы так различаются по характеру, что можно без труда сказать, откуда происходит тот или иной орнаментированный предмет»¹⁴.

Однако почти во всех работах¹⁵, где искусство Новой Гвинее рассматривается по этнографическим областям, залив Астролябии и Берег Маклая как самостоятельная зона своеобразного искусства не выделяются. Обычно указывают в качестве таких зон на две смежные области — долины рек Сепик и Раму на западе и залив Юон — на востоке. Судя по материалам Миклухо-Маклая, следует и Берег Маклая от залива Астролябии до залива Юон выделять как самостоятельную «художественную провинцию».

В работе «Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая» и в статье «Следы искусства у папуасов Берега Маклая на Новой Гвинее» Миклухо-Маклай все произведения искусства папуасов (пластику, резьбу, рисунки) делит на три категории.

1. «Орнаменты в собственном смысле слова, которые вырезаются или рисуются ради них самих и представляют только украшение и больше ничего»¹⁶, т. е. искусство бытовое.

2. Орнаменты и рисунки, представляющие зачатки образного, картинного или идеографического письма, пиктографии (жкоммуникативная или информационная функция искусства).

3. Орнаменты и скульптура, связанные с религиозными идеями, т. е. искусство культовое.

Эта классификация Миклухо-Маклая до сих пор остается наиболее плодотворной для изучения произведений искусства культурно отсталых народов. Она лишена вводящих в заблуждение крайностей, которыми отмечены некоторые работы по искусству этих народов, преувеличивающие роль и значение какой-либо одной его стороны. В качестве примера можно указать на книгу Э. Стефана «Искусство Океании»¹⁷, где все декоративное искусство меланезийцев сведено к «изображению природы», или на книгу современных австралийских этнографов Элькина и супругов Берндт «Искусство в Арnhemленде»¹⁸, в которой, напротив, преувеличена роль другой стороны «примитивного» искусства — связанной с мифом, ритуалом и магией¹⁹.

¹³ Первым опытом подразделения Новой Гвинее на «художественные провинции» была работа Хэддона: A. C. Haddon, The Decorative Art of British New Guinea, Dublin, 1894. На этнографические области в Новой Гвинее указывал Ф. Лушан, см.: Beiträge zur Ethnographie von Neu-Guinea, в книге: M. Krieger, Neu-Guinea, Berlin, 1899. Из новых работ см.: R. Linton and P. S. Wingert, Arts of the South Seas, N. Y., 1946 и S. Кооум а п. De Kunst van Nieuw-Guinea, Haag, 1956.

¹⁴ A. V. Lewis, Decorative Art of New Guinea, Incised Designs, Chicago, 1925, стр. 1.

¹⁵ За исключением работ К. Прейсса, Ф. Шпейзера, о которых будет сказано ниже, и новой работы Т. Бодроги.

¹⁶ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I, стр. 94.

¹⁷ E. Stephan, Südseekunst, Berlin, 1907.

¹⁸ A. Elkin and R. a. C. Berndt, Art in Arnhem Land, Melbourne, 1950.

¹⁹ Термин «примитивное» по отношению к искусству народов Океании может употребляться только в сравнительно-историческом смысле. По существу же оно далеко не примитивно.

Будучи объективным, осторожным в выводах и в то же время проницательным наблюдателем, Миклухо-Маклай сумел различить в искусстве папуасов три его основные и характерные стороны: искусство как творческий процесс, удовлетворяющий глубоким эстетическим потребностям художника и допускающий известную свободу в границах традиции и технических возможностей; искусство как мнемоническое средство, как средство сохранения памяти о событиях, как способ фиксации и передачи мыслей и впечатлений, как начало письменности и, наконец, искусство как выражение сложного мирозерцания, в котором ранние формы религиозной идеологии занимают значительное место. Искусство у папуасов связано со всеми видами деятельности — производительной, религиозной и т. д. Функции его в общественной жизни Миклухо-Маклай старался раскрыть.

С. Н. Замятин в одном из своих выступлений высказал мысль, что все дело в роли первобытного искусства. Мы никогда не поймем первобытного искусства, если оторвем его от целей, которым оно служило. К этому можно добавить, что роль и значение первобытного искусства могут быть раскрыты только при помощи сравнительно-этнографического метода, что на помощь археологии должна прийти этнография и что здесь особенно важны для нас наблюдения, подобные наблюдениям Миклухо-Маклая, который не только удачно систематизировал искусство папуасов, но и за каждой группой своей системы искал социальный контекст. Ему важно было выяснить роль искусства в общественной жизни, трудовой деятельности, ритуале. Отсюда путь к правильному пониманию первобытного искусства в его органической связи с трудовой практикой коллектива.

Потребность в искусстве, потребность в эстетическом пронизывает собою все, что выходит из рук папуасов, всю их материальную культуру, и нельзя отказать папуасским мастерам в большом художественном вкусе. Орудия труда, оружие для них тоже являются предметом искусства; например, резные топорища, разрисованные или плетеные щиты, стрелы, копья и т. д. Красиво и тонко вырезанные и разнообразные формы деревянных или бамбуковых наконечников стрел, сочетание черного, белого и красного в их раскраске — все это свидетельствует о незаурядных художественных задатках, о вкусе, о подлинном мастерстве. Великолепна и бесконечно разнообразна резьба на древках деревянных копий, на изделиях из бамбука, на деревянных мужских поясах, на браслетах из черепахи, на сосудах из кокоса. Вариации в деталях бесконечны и открывают широкий простор творческой фантазии мастера²⁰. И все это делалось людьми, не имевшими металлических орудий, а только каменные, костяные, раковинные, из острых зубов животных, из кабаньих клыков. Поэтому нас восхищает искусство папуасов, и мы относимся с уважением к замечательному мастерству папуасских художников.

Миклухо-Маклай видел, что это мастерство в известной мере обусловлено орудиями труда папуасов, и обратил на них свое пристальное внимание. Он изучил и классифицировал их. Знаменательно, что, когда он писал об искусстве папуасов, он писал и об орудиях труда. «С помощью этих первобытных орудий папуасы умели строить прочные и удобные жилища, отделывать и украшать пироги и... находили удовольствие посвящать длинные часы досуга украшению оружия, домашней утвари и пр. ...В условиях первобытного общества характер орнамента по необходимости более всего зависит от имеющегося в распоряжении

²⁰ Орнаменты на дrevках стрел в каталоге Л. Биро называются «знаками собственности» («Eigentumsmarken»); см.: L. B i r o, Beschreibender Catalog der ethnographischen Sammlung Ludwig Biro's aus Deutsch-Neu-Guinea, Budapest, 1901, стр. 70, 130 и далее. Обсуждение этого интересного вопроса увело бы нас от темы.

материала»²¹. «Степень развития искусства у папуасов менее зависит от воображения и способности работника, чем от орудия, которое он употребляет: найдя около моей хижины несколько кусков стекла от разбитой бутылки, папуасы быстро открыли особенности, отличающие стекло от кремня, и тотчас воспользовались им для придания рисункам большего разнообразия и тонкости»²².

Миклухо-Маклай убедился, что орнаменты зависят в значительной степени «от материала объекта, на который их наносят и который они должны украшать, и от инструментов, которыми они воспроизводятся». Так как много орудий и утвари делается из бамбука и тростника и так как «гладкая поверхность бамбука и тростника особенно пригодна для нанесения прямолинейного орнамента, поэтому прямолинейность и составляет характерную особенность большинства папуасских орнаментов. Эта особенность зависит, однако, вполне от свойств материала»²³. На деревянных изделиях вырезаются узоры иного стиля — из кругов и волнистых линий. Это — табиры (деревянные сосуды), копыя, барабаны, лодки, детали хижин. Рисунок сначала грубо вырубается каменным топором, а затем отделяется при помощи острых осколков кремня. Миклухо-Маклай обратил внимание также на орнаментацию глиняных сосудов на Берегу Маклая²⁴.

Большое научное значение имеет открытие примитивной пиктографии у папуасов²⁵.

Пиктография в настоящее время хорошо известна и изучена у многих народов Сибири, Америки и других. Однако у папуасов она, насколько мне известно, после Маклая специально никем не изучалась. Пиктографию и мемориальное, т. е. служащее целям запоминания, искусство изучал Хэддон, однако новогвинейский материал он в этом случае не использовал²⁶. Прейсс указывает на то, что орнаменты и узоры татуировки папуасов имеют особое значение, и их можно рассматривать как своего рода письменность, хотя имеется много трудностей для ее понимания²⁷. Не форма, а именно значение является наиболее интересным и существенным в этом виде искусства²⁸. «Орнамент папуасов представляет собою род письменности, выражения идей»²⁹. Санде приводит рисунок папуасской военной лодки с экипажем, сделанный в воспоминание об успешной военной экспедиции. Он пишет, что папуасы называли письменность словом «ане», которым обозначался нарисованный или вырезанный орнамент. Подобно этому папуасы Берега Маклая говорили «Маклай негрэнгва» и когда он писал, и когда рисовал³⁰. Ссылаясь на Хэддона³¹, Санде пишет, что «настоящее изобразительное письмо — пиктография, т. е. последовательный рассказ о событиях при помощи серии рисунков, у папуасов еще не появилось»³². Однако и Миклухо-Маклай говорил лишь о «зачатках примитивного образного письма».

«Многие рисунки, сделанные цветной глиной, углем или известью на дереве и коре и представляющие грубые изображения, приводят к поразительному открытию, что папуасы Берега Маклая дошли до идео-

²¹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I, стр. 120.

²² Там же, стр. 123.

²³ Там же, стр. 95.

²⁴ Там же, т. II, стр. 592; т. IV, стр. 425.

²⁵ Я. Я. Рогинский и С. А. Токарев, Н. Н. Миклухо-Маклай как этнограф и антрополог см. Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. II, стр. 705.

²⁶ A. C. Haddon, *Evolution in Art*, London, 1895.

²⁷ K. Th. Preuss, *Künstlerische Darstellungen aus Kaiser-Wilhelms-Land in ihrer Bedeutung für die Ethnologie*, «Zeitschrift für Ethnologie», т. 29, Berlin, 1897, стр. 82—83.

²⁸ A. C. Haddon, *The Decorative Art of British New Guinea*, 1894, стр. 274.

²⁹ G. Van der Sande, *Nova Guinea*, III, Leyden, 1907, стр. 283—284.

³⁰ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. I, стр. 126.

³¹ A. C. Haddon, *The Decorative Art of British New Guinea*, стр. 65.

³² G. Van der Sande, Указ. раб., стр. 286.

графического письма, хотя и очень примитивного. Почти все рисунки, виденные мною, относятся к этой категории... В соседней деревне Бонгу я нашел на фронтоне буамбрамы (мужского дома.— В. К.) ряд щитов... Эти щиты были украшены грубыми рисунками наподобие иероглифов, изображавшими рыб, змей, солнце, звезды и т. п. В других деревнях я также видел на стенах некоторых хижин рисунки, сделанные красной и черной краской; встречал подобные же фигуры на стволах деревьев в лесу, вырезанными на коре, но вследствие их простоты и в то же время разнообразия еще менее понятны. На широком дощатом крае больших лодок, приходивших с Били-Били, Ямбомбы и с о-вов архипелага Довольных людей, я тоже часто видел нарисованные и вырезанные фигуры в том же роде. Все эти изображения не служили, по-видимому, орнаментами в тесном смысле этого слова; однако их значение оставалось для меня неясным, пока однажды, много месяцев спустя, я не получил неожиданно разрешения загадки во время одного моего посещения Били-Били. Здесь, по случаю спуска двух больших лодок, над которыми туземцы работали несколько месяцев, был устроен праздничный пир. Когда он близился к концу, один из присутствовавших молодых мужчин вскочил, схватил уголь и начал рисовать ряд примитивных фигур на толстой балке, лежавшей неподалеку на площадке... Две первые фигуры, нарисованные туземцем, должны были изображать две новые лодки... Затем следовало изображение двух зарезанных для пира свиней, которых несли мужчины привязанными к палке. Далее было показано несколько больших табиров, соответствовавших числу блюд с кушаньями, которые были предложены нам в этот день. Наконец была изображена моя шлюпка, отмеченная большим флагом, две большие парусные лодки с о-ва Тиара и несколько малых пирог без парусов... Эта группа должна была изображать присутствовавших на обеде гостей»³³. Подобные изображения — зачатки примитивного образного письма. Их значение непонятно людям, которые не были участниками данного события. Миклухо-Маклай отмечает условность, символический характер этих рисунков: например, гребнем с лучком перьев изображался полноправный мужчина (тамо) в отличие от молодых людей (маласси), не носящих этого украшения, и т. д. Этими изображениями не ограничиваются мнемонические средства папуасов Берега Маклая, есть и другие, но они уже не имеют отношения к искусству³⁴.

Символика примитивного папуасского искусства привлекла внимание Миклухо-Маклая. Он очень заинтересовался этой обнаруженной им стороной искусства папуасов и воспроизводил ее в своих факсимиле³⁵.

Во время одной из экскурсий в лесу, довольно далеко от деревни, Миклухо-Маклай обнаружил фигуры, вырезанные на дереве³⁶. В другой раз, тоже в лесу, на берегу реки, Маклай снова увидел несколько фигур, вырубленных топором на древесном пне³⁷. И, наконец, был еще один случай, описанный Маклаем: «В одном месте лежал толстый ствол упавшего дерева... На стороне, обращенной к деревне, было вырублено несколько иероглифических фигур, подобных тем, которые я видел в русле реки на саговом стволе, но гораздо старше последних. Эти фигуры на деревьях, как и изображения в Бонгу и на пирогах Били-Били, заслуживают внимания, потому что они представляют собою не что иное, как начатки письменности, первые шаги в изобретении идеографического

³³ Н. Н. Миклухо-Маклай, Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая, Собр. соч., т. III, ч. I, стр. 97—98.

³⁴ Там же, стр. 99—100.

³⁵ См.: Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. V, стр. 59; изображение мужчины и женщины кремнем на бамбуке.

³⁶ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. I, стр. 214.

³⁷ Там же, стр. 225.

письма. Человек, рисовавший углем или краской, или вырубавший топором свои фигуры, хотел выразить свою мысль, изобразить какой-нибудь факт. Эти фигуры не служат уже простым орнаментом, а имеют абстрактное значение... Знаки на деревьях имеют грубые формы, состоят из нескольких линий; их значение, вероятно, понятно только для вырубавшего их и для тех, которым он объяснил смысл своих иероглифов»³⁸.

Замечательно, что у папуасов были обнаружены знаки, вырезаемые на деревьях — так называемые дендроглифы, — имеющие определенное значение, как и у австралийцев Нового Южного Уэльса и Южного Квинсленда, где эти знаки на деревьях относились к церемониям инициации (бора) или к погребальному ритуалу³⁹. Австралийские дендроглифы до сих пор трактуются как образцы искусства, в лучшем случае, как тотемические символы. Сообщение о начатках письменности в Австралии (наиболее ранние из которых появляются в 70-х годах прошлого века) ограничиваются так называемыми «посланныческими жезлами», или «палочками-письмами». Интуиция Миклухо-Маклая указывает новый путь и к изучению австралийских дендроглифов.

С самого начала своего пребывания на Берегу Маклая, как видно из дневника 1871—1872 гг., Миклухо-Маклай проявил большой интерес к телумам, которых он искал в каждой деревне, описывал, зарисовывал и коллекционировал. Телумами на наречии деревни Бонгу называются «сделанные из дерева, реже из глины, изображения человеческих фигур обоего пола... В Энглам-Мана я нашел своеобразный телум, представлявший человеческое тело с головой крокодила, на которую была надета в виде шляпы черепаха... Каждый телум, а их во всякой деревне имелось несколько, носит свое особое название... В некоторых горных деревнях я нашел большие камни, почитаемые как телумы... Я много раз наблюдал различные стадии изготовления этих фигур»⁴⁰.

Миклухо-Маклай один из первых обратил внимание на связь искусства папуасов с культом мертвых, на корвары северо-западных папуасов, где эта связь порою наглядно выражена в сочетании скульптуры с подлинным человеческим черепом⁴¹, и высказал вполне правильное предположение о близости корваров к телумам Берега Маклая — близости, выраженной в аналогичной функции их в культе.

В вопросе о телумах⁴² до сих пор много неясного. Финш, Хаген и другие авторы полагали, что эти фигуры представляют собою изображения почитаемых предков. Изредка, по сообщению очевидцев, для этих изображений устраивался пир, закалывали свиней, собак, приносили кокосовые орехи; женщины при этом не участвовали⁴³.

По Шпейзеру, художественным изделиям северного берега Новой Гвинеи от залива Астролябии до залива Юон присущ определенный стиль, который он называет стилем Тами (по названию одного из островов в заливе Юон)⁴⁴. Для телумов этого стиля характерен, между прочим, массивный наголовник, хорошо видный на экземплярах из кол-

³⁸ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. I, стр. 235.

³⁹ Д'Альбертис (L. D'Albertis, New Guinea, London, 1880, т. II, стр. 66) и Томсон (J. Thomson, British New Guinea, London, 1892, стр. 154) сообщают о виденных ими изображениях, вырезанных на коре живых деревьев, на реке Флай, на юге Новой Гвинеи.

⁴⁰ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. 1, стр. 100—102.

⁴¹ Корвар (иногда лишут: Kogowaar) — хранилище черепа предка и, по поверию папуасов, вместилище его души.

⁴² Иногда лишут: schulum, silum.

⁴³ L. Vige, Beschreibender Catalog..., 1901, стр. 196. Здесь имеется изображение телума из Бонгу, такого же, как в коллекции Миклухо-Маклая (№ 168—38).

⁴⁴ F. Speiser, Über Kunststile in Melanesien, «Zeitschrift für Ethnologie», т. 68, вып. 4/6, Berlin, 1937, стр. 330—335. Об этом писали уже Прейсс (в названной выше работе 1897 г.) и Нейхаусс (Neuhaus, Deutsch-Neu-Guinea, Berlin, 1911, т. I, стр. 339)

лекций Маклая. Эти цилиндрические или конусообразные наголовники могут быть воспроизведением своеобразных головных уборов, встречающихся здесь, на северном берегу Новой Гвинеи, именно — корзинок или коробок из тапы для волос. По Финшу и Биро, эти головные уборы указывали на богатство его владельца и служили отличительным признаком вождя (Hauptlingswürde)⁴⁵. Солооставление наголовников на телумах и головных уборов, которые носили какие-то избранные люди, является гипотетическим. Но эта гипотеза могла бы пролить некоторый свет на загадку телумов и их происхождение. К сожалению, общественный строй папуасов северо-восточной Новой Гвинеи слабо изучен. Однако существование родовых старейшин, даже вождей деревень, власть стариков и знахарей у некоторых групп, начатки имущественного неравенства у папуасов неоднократно отмечались⁴⁶. Сообщалось и о существовании тайных культов, в которых телумы, несомненно, играют какую-то роль. Зарождающееся социальное расслоение отражено в культуре предков. Возможно, телумы воплощают эту тенденцию.

Эта гипотеза, однако, встречается с некоторыми затруднениями, вытекающими из сложности религиозного мировоззрения папуасов. Следует считать с наличием телумов женского пола. И затем телумы трактованы часто настолько фантастично, что переносят нас в мир совершенно превратных, религиозных идей и представлений, где стираются все грани между человеческим и сверхъестественным.

Выше упоминались резные деревянные мужские пояса из коллекций Миклухо-Маклая с антропоморфными изображениями с южного берега Новой Гвинеи. Следует сказать, что изображение стилизованного лица характерно для залива Папуа, и оно пронизывает здесь все декоративное искусство, встречаясь на всевозможных изделиях как бытового, так и в особенности культового или ритуального назначения (гуделках, мемориальных щитах из мужских домов и т. д.). Характерно, что этот орнамент украшает предметы только мужского обихода. Возможно, он является апотропеическим (устрашающим) символом, связанным с мужскими домами и мужскими культурами (а в Меланезии, где он тоже встречается, — с мужскими союзами). Интересно, что он проник и в северную Австралию вместе с некоторыми другими элементами материальной культуры. В Музей антропологии и этнографии (Ленинград) недавно поступила гуделка из Гроот Эйландт (залив Карпентария) (№ 6254—3) с антропоморфным изображением того же стиля, который широко распространен в заливе Папуа.

Миклухо-Маклай писал, что целью его посещения южного берега Новой Гвинеи было «желание ознакомиться с туземцами этого берега для сравнения их с теми, которых он уже знал и имел возможность наблюдать на Берегу Маклая и на берегу Папуа-Ковий»⁴⁷. В частности, он обратил особенное внимание на татуировку мужчин и женщин, которая также является предметом изобразительного искусства⁴⁸. Он писал: «Татуировка представляет значительный интерес для этнолога: во-первых, потому, что известные орнаменты переходят как бы по наследству, от одного поколения к другому и характерны для известной местности; при переселении туземцы вместе с языком и физическими особенностями переносят также и татуировку в место своего нового жительства, почему на орнаменты татуировки и всю операцию,

⁴⁵ L. Biro, Beschreibender Catalog..., 1899, стр. 6.

⁴⁶ С. А. Токарев и Я. Я. Рогинский, Н. Н. Миклухо-Маклай как этнограф и антрополог, см. Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. II, стр. 701—704.

⁴⁷ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. II, стр. 535.

⁴⁸ Здесь, на южном берегу, он приобрел для своей коллекции инструменты для татуировки: «кини» — палочка или стебель с острым шипом и «беу» — небольшой молоток.

сопряженную с нею, путешественник должен обращать полное свое внимание: во-вторых, именно против татуировки миссионеры ведут ожесточенную войну и по мере распространения христианства обычай этот постепенно исчезает, а с ним вместе и важный этнологический материал. Я считал поэтому положительно своей обязанностью делать точные замечания о ней, причем, разумеется, рисование орнаментов было необходимо... Я принялся за рисование татуировки и очень аккуратно продолжал это делать при каждом удобном случае»⁴⁹. Он обратил внимание, что «мужчины мало татуированы, так как у них татуировка связана с убийством врага; женщины же все покрыты разнообразными и оригинальными фигурами», сообразно их возрасту⁵⁰. «Взглянув на мужчину-туземца, можно по его татуировке определить, сколько убил он людей... Женщины татуируются с детства до старости»⁵¹. Фигуры татуировки имеют особые названия. Миклухо-Маклай пишет, что он «стал сомневаться, чтобы операция эта могла быть сопряжена со значительной болью», и решил сам испытать ее на себе⁵². Он хотел видеть все церемонии, которые сопровождают операцию «ало-ало» (татуировку). У одной женщины, лет 20 или 22, которую встретил здесь Маклай, «положительно вся поверхность тела, от лба до ногтей ног, была покрыта разными фигурами татуировки». Другая даже «сбрила себе волосы на голове, чтобы нататуировать на ней несколько орнаментов»⁵³.

В физическом типе туземцев южного берега Новой Гвинеи Миклухо-Маклай обнаружил полинезийскую примесь. Естественно было предположить, что и в татуировке наколами, которая здесь практикуется, сказало влияние полинезийской культуры. «Примесь полинезийской расы, оказавшая влияние на антропологический *habitus* туземцев-папуасов, отразилась также и на их обычаях. Несомненно, полинезийцы, быть может, случайно занесенные на южный берег Новой Гвинеи, ввели между туземцами, например, обычай татуирования, на который я обратил особое внимание»⁵⁴.

На Берегу Маклая, на севере Новой Гвинеи, Миклухо-Маклай наблюдал иной тип татуировки: на плечах и груди у женщин, на руках и ногах мужчин «был выжжен ряд пятен, которые отличались своим более светлым цветом от остальной кожи»⁵⁵. Эти светлые пятна на темной коже выжигались небольшими кусками горящей древесной коры или раскаленным камнем⁵⁶. В «Этнологических заметках о папуасах Берега Маклая» он писал: «Здесьние папуасы не знают татуировки, а выжигают рубцы»⁵⁷.

Миклухо-Маклаю удалось установить, что татуировка наколами, которую он встретил на южном берегу Новой Гвинеи, характерна именно для Полинезии, тогда как в Меланезии, на тех островах, где он был (кроме Новых Гебрид), он наблюдал совершенно другие способы татуировки — мелкими надрезами осколком обсидиана⁵⁸.

Итак, Миклухо-Маклаю удалось проследить, что татуирование ожогами встречается на берегу Маклая и в других частях Новой Гвинеи, а наколами — в Полинезии, на Новых Гебридах и на юго-восточном берегу Новой Гвинеи⁵⁹.

⁴⁹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. II, стр. 542.

⁵⁰ Там же, стр. 541, 546.

⁵¹ Там же, стр. 661.

⁵² Там же, стр. 547.

⁵³ Там же, стр. 551.

⁵⁴ Там же, стр. 660.

⁵⁵ Там же, т. I, стр. 239.

⁵⁶ Там же, стр. 248.

⁵⁷ Там же, т. III, ч. I, стр. 82.

⁵⁸ Татуировка наколами встречается также в северо-западной Новой Гвинее (G. Van der Sande, Nova Guinea, т. III, 1907, стр. 49); но и здесь можно предполагать постороннее влияние.

⁵⁹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I, стр. 429.

Современные исследования групп крови подтвердили правильность взгляда Миклухо-Маклая, т. е. наличие примеси полинезийских и меланезийских элементов у населения Папуа и Территории Новая Гвинея. Примесь полинезийских элементов обнаружена на востоке Новой Гвинеи, в Новой Британии и Новой Ирландии⁶⁰.

В Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР хранится немало прекрасных, оригинальных, нередко уникальных образцов искусства многих народов — полинезийская резьба по дереву, африканская деревянная скульптура, центрально- и южноамериканская керамика, маски из Меланезии и Северной Америки, бронза Бенина, прикладное искусство папуасов Новой Гвинеи и многое другое. Все это раздвигает обычные тесные рамки представлений о мировом искусстве. Пример Миклухо-Маклая показывает, как необходимо изучение искусства этих народов, пробуждение широкого общественного интереса к их замечательной культуре.

SUMMARY

The great Russian ethnographer N. N. Miklukho-Maklai devoted many of his articles to a scientific description and analysis of the art of the Papuans. During his sojourn in New Guinea Miklukho-Maklai accumulated a large, priceless collection of authentic works of Papuan art and made many sketches of the sculptural relics, specimens of decorative designs, tattoo patterns, etc. The classification of the Papuan works of art advanced by Miklukho-Maklai has to this day remained the most conducive form of studying the art of the culturally backward peoples.

Basing himself on the works of N. N. Miklukho-Maklai and also drawing on other sources, the author of the present article tries to characterize the main elements and specific features of the art of the New Guinea Papuans.

⁶⁰ «Oceania», Sidney, 1956, т. 27, № 1, стр. 56—63.
